

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ)

6. — ЗЕМСКІЙ СЪЗД В МОСКВѢ. — ПРОПОВѢДЬ В ДВОРЯНСКОМ ОСОБНЯКѢ, СТУДЕНЧЕСКОЙ МАНСАРДѢ И КУПЕЧЕСКОМ ДВОРЦѢ. — ДЕКАДЕНТСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО. — ГДѢ МОЙ ПРОБѢЛ? — МОНОПОЛИСТЫ РЕВОЛЮЦІИ.

22-26 апрѣля 1905 г. состоялось в Москвѣ второе (послѣ знаменитаго ноябрьскаго, 1904 г.) совѣщаніе земскихъ дѣятелей в особнякѣ Ю. Н. Новосильцева на Б. Никитской, уже использованном для этихъ «явочныхъ» с'ѣздовъ. Если участники ноябрьскаго с'ѣзда готовы были (в проектѣ своей резолюціи) признать свое собраніе «случайнымъ», а высказанныя въ немъ мнѣнія «личными», то апрѣльскій с'ѣздъ уже не давалъ никакого повода для такой скромной характеристики. Состав членовъ былъ на этотъ разъ санкціонированъ, в большей своей части, земскими управами и собраніями, а мнѣнія и рѣшенія ноябрьскаго с'ѣзда широко восприняты — и даже превзойдены в радикализмъ — кампаніей банкетовъ, выступленіями на земскихъ собраніяхъ и резолюціями профессиональныхъ с'ѣздовъ конца 1904 и начала 1905 г.г. На московскомъ с'ѣздѣ уже сложилось компактное большинство, в основѣ своей то самое, которое выдѣлилось изъ земской среды в процессѣ борьбы земствъ с правительствомъ, — особенно при Плеве — с первыхъ же годовъ новаго столѣтія.

Я лично только тутъ встрѣтился с этимъ сплѣвшимся между собою кругомъ политическихъ дѣятелей, получившихъ общественную закалку, и познакомился с ними при посредствѣ московскихъ друзей, ихъ единомышленниковъ. Конечно, для болѣе тѣснаго сближенія этого было еще недостаточно. У меня не было и формальнаго права стать активнымъ участникомъ этого круга. В интересахъ авторитетности с'ѣзда его члены не могли допускать в свою сре-

ду посторонних, и я остался внѣ этого перваго, со времени моего прїѣзда, крупнаго политическаго оказательства. Вмѣстѣ с нѣсколькими членами и друзьями семьи Новосильцевых мнѣ пришлось слѣдить за ходом с'ѣзда через щель двери, прїотворенной в зал засѣданій. Не могу сказать, чтобы этот обсерваціонный пункт давал какія-нибудь удобства для личнаго общенія. Только в роли сторонняго наблюдателя я мог раздѣлять тревогу хозяев дома за благополучный исход преній в сосѣдном залѣ.

Ноябрьскій рекорд должен был быть здѣсь не только обязательно удержан, но и превзойден, соответственно полугодовой эволюціи общественнаго мнѣнія. Вѣдь на очередь были поставлены всѣ острые политическіе вопросы, обсуждавшіеся нами в апрѣлѣ: всеобщее избирательное право со всѣми четырьмя «хвостами», однопалатная или двухпалатная система, одностепенные или двустепенные выборы — и, наконец, в особенности спорный, но неизбѣжный вопрос об учредительном собраніи, гдѣ надо было равняться по передовой линіи, занятой «освобожденцами» и составлявшей необходимую линію их связи с лѣвыми теченіями. Через дверную щель можно было слышать большой разнобой ораторов на эту тему. Вот М. В. Родзянко оперирует аргументом от народнаго невѣжества и рабскаго подчиненія начальству; М. А. Стахович не вѣрит в политическую подготовленность масс. Но срывается с мѣста Н. Н. Львов и со свойственной ему горячностью и увлеченіем доказывает, при оглушительных аплодисментах, что с тѣм или другим мнѣніем о народѣ стоит и падает вся политическая позиція демократіи: да или нѣтъ! Пренія, однако, не кончены; завтра предстоит голосованіе. Впечатлѣніе произведено; но насколько оно всеобщее? Ободряет один только признак: Д. Н. Шипов ступевался на этом с'ѣздѣ, — он как-то незамѣтно притаился в задних рядах кресел и больше не располагает даже своим меньшинством единомышленников. Он знает, что его славянофильскій тезис проигран. Только в отвѣтъ на прямой вызов он берет слово, и его запоздалая рѣчь в молчаніи выслушивается собраніем.

Апрѣльскій с'ѣзд оказался на высотѣ момента. Всеобщее право принято, двустепенные выборы оставлены в меньшинствѣ. Приняты, правда, двѣ палаты — верхняя из представителей преобразованных земств. Но для учредительнаго собранія, прикрытаго выраженіем «первое представительное собраніе», проектиро-

вана одна палата, нижняя, и задача ея опредѣлена так: «не столько законодательство по частным вопросам, сколько установление государственнаго провпорядка». Это опредѣленіе доживет до первой Думы.

По окончаніи с'ѣзда вспомнили и о заграничном гастролерѣ. Для созыва «явочнаго» с'ѣзда прецеденты уже имѣлись; но для «явочнаго» выступленія лектора, которому предшествовала в этой средѣ, по современному свидѣтельству, репутація «отпѣтаго революціонера», прецедент приходилось создавать не без риска. За это взялся молодой прапорщик, жених хозяйской дочери и свой человек в домѣ Новосильцевых, — только-что пріѣхавшій с Дальняго Востока. Это был будущій мой помощник по «Последним Новостям», И. П. Демидов. Риск полицейскаго вмѣшательства только обострял интерес к политическому выступленію: это было тогда в модѣ в лучших домах.

На лекцію собралась, как тогда говорили, «вся Москва». Были тут тогдашніе «крайніе лѣвые», — такіе, как доктор Жбанков, Вихляев, Блеклов, А. П. Левицкій; была титулованная аристократія: кн. В. М. Голицын, московскій городской голова, семья московскаго губернскаго предводителя дворянства, князя Петра Ник. Трубецкаго. Был даже, кажется, кто-то из «самаринскаго клана». Были представители московскаго купечества. Центр составляли члены земскаго с'ѣзда разных отѣнков, московская интеллигенція, представленная профессорами, редакторами и журналистами из «Русских Вѣдомостей» и «Русской Мысли», адвокатурой. Сшедшіеся на зрѣлищѣ фланги в других случаях избѣгали встрѣчаться друг с другом. Отсутствовала студенческая молодежь: она тщетно рвалась в залу, но встрѣтила отпор «державшаго барьер» распорядителя, стойчески выносившаго упреки в «презрѣнном выполненіи полицейскихъ обязанностей» и «непониманіи свободы публичнаго слова». Зал вмѣщал только 300-350 человекъ и был наполнен до отказа.

Это московское «событіе» было первым моим публичным выступленіем послѣ возвращенія из-за границы. Невольно вспоминался мнѣ нарядный зал нижегородскаго дворянскаго собранія с губернатором и архіереем, гдѣ в 1894 г. я возвѣщал новое «конституціонное» царствованіе Николая II-го — и откуда открыл себѣ прямой путь в ссылку и за-границу. На этот раз, соотвѣтственно моменту, лекція моя была еще менѣ «легальной»: я ми-

рил конституцію с революціей, видя в сближеніи обѣих единствен-
ный шанс политической побѣды. Я был, как говорилось раньше,
недостаточно освѣдомлен в элементах поставленной проблемы;
но не болѣе меня была освѣдомлена тогда и моя аудитория. «Ре-
волюціонныя» настроенія здѣсь еще сливались с «конституціон-
ными».

Успѣх, во всяком случаѣ, был обезпечен демонстративным
характером выступления, его извѣстной торжественностью и из-
бранным составом слушателей. Мой милый прапорщик сказал
мнѣ приличное случаю слово и поднес огромнѣйшій букет мимоз.
Момент моего, так сказать, официального принятія в ряды рус-
ской общественности прошел вполне успѣшно.

Это первое выступленіе, конечно, не осталось единственным.
Ближайшія права на меня заявила обиженная молодежь, и я с
удовольствіем послѣдовал ея приглашенію. При содѣйствіи моей
рязанской знакомой, а теперь московской курсистки Н. В. Ши-
ловской была устроена «чашка чаю» в демократическом кварта-
лѣ. Помѣщеніе походило здѣсь на мансарду и уже к началу лек-
ціи наполнилось густым табачным дымом. вмѣсто эстрады меня
поставили на простой деревянный стол, кругом котораго тѣсным
кольцом стояли слушатели. Было очень жарко, дышать стало
трудно к концу, яблоку упасть было некуда. Принимали без це-
ремоній, как своего. Критики и тут не было; не чувствовалось
и никакого психологическаго сопротивленія, какое бывает при
скрытом несогласіи. Сказанное принималось на вѣру, — выводы
вмѣстѣ с фактами; на докладчика, очевидно, смотрѣли как
на учителя. Напоминаю, что это был конец апрѣля или начало
мая. Нить моих отношеній к молодежи возобновлялась так, как
она была оборвана прощаньем на Рязанском вокзалѣ, в февра-
лѣ 1895 года.

Еще одно выступленіе, опять новаго типа, запечатлѣлось от
этих дней в моей памяти. Послѣ дворянскаго особняка и студен-
ческаго мансарды мнѣ привелось перенести свою пропаганду в
обстановку роскошнаго купческаго дворца — другаго из упомя-
нутых раньше морозовских — не на Воздвиженкѣ, а на Zubov-
ском (выше ошибочно сказано: Смоленском) бульварѣ. Тут было
меньше «революціи» и больше «конституціи». Кромѣ исторической
темы о сближеніи той и другой в поколѣніях, у меня была другая
обязательная тема — не из исторіи, а из современности — и

особенно мнѣ близкая, так как касалась политической программы только-что складывавшагося нашего направления. П а р т і и мы еще не представляли; но к созданию партіи уже готовились. И эту тему я уже обрабатывал на американских митингах и в американской книгѣ. Послѣ апрѣльских наших обсуждений и послѣ рѣшеній с'ѣзда она обросла новым матеріалом; пора было переносить ознакомленіе с ним в широкую публику. Я, поэтому, охотно принял приглашеніе вдовы Михаила Морозова, Маргариты Кирилловны, сдѣлать политической доклад для ея гостей в ея palazzo.

Обстановка здѣсь была, конечно, иная, нежели в особнякѣ Новосильцевых. Эффектная эстрада, обширный зал, отдѣланный в классическом стилѣ, нарядные костюмы дам на раззолоченных креслах — все это было очень декоративно и просилось на картину. И в самом дѣлѣ, художник Пастернак, по собственному ли вдохновенію или по заказу хозяйки дома, принялся зарисовывать эскизы для большой картины и порядочно измучил меня, набрасывая мой портрет в позѣ говорящаго оратора. Ниже эстрады, на первом планѣ, должны были размѣститься портретныя фигуры гостей хозяйки вмѣстѣ с нею самой. Правда, интерес к моменту скоро ступевался перед новыми событиями, новизна моды прошла — и картина осталась ненаписанной.

Очаровательная хозяйка сама представляла интерес для знакомства — тѣм болѣе, что и с своей стороны проявила интерес к ознакомленію с личностью оратора. Нѣсколько дней спустя я получил визит ея компаньонки с пожертвованіем в нѣсколько тысяч на организацію партіи и с пожеланіем руководить ею в чуждом ей лабиринтѣ политических споров. От времени до времени я начал замѣчать ея присутствіе на наших политических собраніях. Она, наконец, позвала меня побесѣдовать с нею лично. Бесѣды начались — и вышли далеко за предѣлы политики, в неожиданном для меня направленіи...

Маргарита Кирилловна представляла собою полную противоположность другой Морозовой, Варварѣ Алексѣевнѣ, о которой я упоминал выше. Молодая, «за красоту взятая» в замужество и рано овдовѣвшая, жаждущая впечатлѣній и интересующаяся послѣдними криками культурной моды, она отражала настроенія того молодого литературнаго и художественнаго поколѣнія, которое выросло без меня и оставалось мнѣ малоизвѣстным. В на-

ших бесѣдах мы постепенно затронули всѣ области новых вѣяній, — и вездѣ мнѣ приходилось становиться к ним в оппозицію. Началось, конечно, с общаго философскаго міровоззрѣнія: как извѣстно, это нѣмецкое слово, *Weltanschauung*, давно сдѣлалось традиціонным в наших интеллигентских салонах. Не могу сказать, чтобы моя собесѣдница была по этой части специально освѣдомлена; но преобладающій ея интерес подтвердил мнѣ, что за десятилѣтіе моих скитаній философскіе вкусы интеллигентской элиты продолжали развиваться в направленіи, мнѣ мало симпатичном... Перед ссылкой я боролся с остатками славянофильской метафизики и об'являл славянофильство разложившимся и умирающим. Но оно только приняло эстетическую окраску. Критицизм Канта и кантіанцев, на котором я остановился, не дойдя до Марбургской школы, был уже позади. Послѣдователи Владимира Соловьева развивали его этические и религіозные взгляды, не очень настаивая на его либеральных, политических и національных, экстремизмах. Фридрих Ланге со своей «Исторіей матеріализма» был моим послѣдним оплотом между наукой и метафизикой. А моя собесѣдница прямо начинала со ссылок на Шопенгауэра. Ее как раз интересовал тот мистическій элемент метафизики, который меня отталкивал.

На философіи мы, впрочем, не очень задерживались, переходя от нея в область новѣйших литературных теченій, еще менѣе мнѣ тогда извѣстных. М. К. была сестрой жены другого московскаго виднаго купца Вострякова, в домѣ котораго на Большой Дмитровкѣ пріютился центр этих новѣйших вѣяній, Литературно-Художественный Кружок. Там, правда, интересовались не одной литературой. Доходы Кружка получались с карточной игры. Рѣдкій посѣтитель Кружка, я так и не мог составить себѣ понятія, как распредѣлялись интересы его завсегдатаев между священнодѣйствіями на сценѣ и священнодѣйствіями за зеленым столом. Во всяком случаѣ, это было сочетаніе специфически московское. На эстрадѣ царил Брюсов. Я принялъ на вѣру его репутацію — прямого продолжателя Пушкина, но видом своим он производил на меня впечатлѣніе скорѣе приказчика из бакалейнаго магазина — и не внушал интереса. Секрет его вліянія так и остался для меня недоступным. В центрѣ восторженнаго поклоненія М. К. Морозовой находился другой тогдашній властитель дум: Андрей Бѣлый. В семьѣ профессора Бугаева мнѣ приходи-

лось встрѣчать мальчика, его сына; но в его аватарѣ «Котика Летаева» я Бѣлаго никогда не видал и не знал, и образ, нарисованный Маргаритой Кирилловной, был для меня характерной поностью. Тут, очевидно, заинтересовывал мою собесѣдницу элемент нарочитаго священнодѣйствія. Андрей Бѣлый не просто сидѣл и ходил; неземным созданием он порхал в воздухѣ, едва прикасался к полу кончиками носков и производя руками какія-то волнообразныя движенія, вродѣ крыльев, которыя умиленно воспроизводила М. К. Он не просто говорил: он вѣщал, и слова его были загадочны, как изреченія сивиллы; в них крылась тайна, недоступная профанам. Естественно, что картина этого ломанья, очень похоже воспроизведенная в недавней статьѣ Б. К. Зайцева, не могла вызвать во мнѣ почтительных чувств.

От современной литературы наши бесѣды переходили к музыкѣ. Я было обрадовался, что М. К. пианистка, и, в качествѣ страстного скрипача, знакомаго с камерной литературой, предложил свои услуги. Но тотчас поняла свою наивность, узнавъ, что интерес М. К. сосредоточивается на уроках музыки, которые она берет у Скрябина. Тут мистическое поклоненіе доходило до форменнаго служенія. Я тогда не имѣл понятія о женском окруженіи Скрябина, которое так вредно повліяло на послѣднее направленіе его творчества, выразившееся в безсильных попытках воплотить в музыкѣ какую-то мистически-эротическую космогонію. Все-же по осторожным прикосновеніям к недоступной мнѣ тайнѣ я мог почувствовать, что и тут что-то неблагополучно.

Об изобразительных искусствах мы не говорили. Обширный коридор морозовскаго дворца был весь заполнен картинами, и я с завистью на них задерживался; но на меня не произвело впечатлѣнія, чтобы модернизм в них преобладал. Правда, увлеченіе московских меценатов новѣйшими теченіями в живописи, как кажет-ся, развилось нѣсколькими годами позднѣе.

Единственный предмет, котораго мы не затрагивали даже издалека, — это была политика. И я отнюдь не имѣл повода почувствовать себя в роли ментора. Скорѣе это была роль экзаменуемаго — и притом явно проваливавшагося на экзаменѣ. Естественно, что и интерес к экзаменуемому ослабѣвал по мѣрѣ выясненія противоположности двух разных міров, в которых мы находились. В результатѣ, и увлекательныя «тэт-а-тэт» в египетской залѣ прекратились так-же внезапно, как начались.

Возвращаясь к моей пропагандистской миссии, я должен был перенести ее теперь из столицы в провинцию. Провинциальные отделения «Союза Освобождения», насколько помню, помогли мне организовать объезд ряда провинциальных городов. Я, к сожаленью, не могу вспомнить, какие именно города я посетил во время этого объезда. Помню только контраст между севером и югом: севером, где ни мои исторические справки, ни мои программные разъяснения не встречали заметного сопротивления, — и югом, где уже разыгрывались политические страсти. Так было, напр., в Курскѣ, но в особенности памятно мне осталось посещение Харькова. Тут я, наконец, нащупал, где находился пробѣл в моих познаніях о русском революціонном движеніи, о котором я упоминал выше. Гармония моего историческаго построения была здѣсь нарушена рѣзким сопротивленіем, вызванным моим докладом. Температура прений дошла до бѣлаго каленія. С моими оппонентами мы проспорили буквально всю ночь, без перерыва, и разошлись утомленные, но не примиренные, при лучах взошедшаго солнца. Подробности прений я и здѣсь возстановить не в состояніи. Но общій смысл мне остался особенно памятным именно потому, что аргументы противников вторглись неожиданным диссонансом в привычную для меня конструкцію и вскрыли передо мной опредѣленный и очень стройный взгляд на русскую революцію, находившійся в непримиримом противорѣчии с моими примиренческими намереніями. Здѣсь, очевидно, и находилась та главная трудность сговора — или хотя бы параллельнаго дѣйствія между конституционалистами и революціонерами, — которой я раньше не видѣл.

Я, конечно, знал, что в социалистических и особенно в социал-демократических рядах происходит какая-то капитальная перестройка. В основѣ этой перестройки находилось, как мне было извѣстно, новое представленіе о роли рабочаго движенія в революціонном процессѣ. Но я не представлял себѣ, почему новое теченіе признает «пролетаріат» не главным только, а *единственным* фактором революціонной побѣды, исключаяющим всѣ другіе. Для меня было, поэтому, неясно, почему социал-демократы так категорически отказались участвовать в наших парижских совѣщаніях 1904 года, почему единственная мѣстная с.-д. группа, нарушившая этот запрет и пославшая на сѣзд своих представителей, подверглась жестокому осужденію партійнаго центра, хотя она и приняла рѣшенія сѣзда только *ad referendum*.

Рабочее движение представлялось мнѣ, как прежде, с конца XIX в., как движение в корнѣ своем профессиональное, борящееся за охрану рабочаго труда. Его политическая роль в революціи была, с этой точки зрѣнія, уже *последствием* профессиональной борьбы. Теперь я должен был понять, что этот взгляд считается устарѣлым — и даже реакціонным; что рабочій класс, независимо от чисто - классовых своих интересов, мыслится, как «авангард» революціи, единственно - вѣрный ей до конца, — когда всѣ остальные классы, один за другим, отпадут, и наступит момент для полного социальнаго переворота. Именно в виду этой перманентной исторической роли, «пролетаріат» не должен замѣшивать себя в общем дѣйствіи с другими факторами и терять из вида свою окончательную цѣль — уничтоженіе классов и самого государства, — иди на частичныя соглашенія. Побѣды на этих, в лучшем случаѣ, переходных этапах должны были представляться, как временныя побѣды интересов чуждых классов, а, в худшем случаѣ, даже как закрѣпленіе господства этих классов, препятствующее дальѣйшему поступательному ходу революціи и сворачивающее ее на ложный путь. Побѣдители этого рода, естественно, не могли считаться не только соотрудниками, но и «попутчиками»; они представлялись лишь конкурентами и потенціальными врагами. Их побѣда скрывала в себѣ «обман» народных масс и «измѣну» интересам «пролетаріата» в интересах правящих классов. Слѣдовательно, никакой компромисс и никакое соглашеніе не были возможны принципиально. Да они не были нужны и практически, так как кромѣ «пролетаріата» никакая другая общественная группа не представляла собой никакой самостоятельной и дѣйствительной силы. Единственным удачным методом настоящей революціонной борьбы признавалось выступленіе вооруженнаго «пролетаріата» на улицу. Даже террор — оказавшійся наиболѣе сильным из традиціонных приѣмов революціонной борьбы — признавался с высоты этих перспектив тактической ошибкой и вмѣсто прежняго ореола, которым был окружен, почти вызывал насмѣшки и глумленіе, — что служило, кстати, и средством дискредитировать конкурирующую партію, которая к террору прибѣгала.

В самом дѣлѣ, если «пролетаріат» был единственной силой истинной революціи и его метод борьбы — единственно - вѣрным путем к социалистическому перевороту, то все остальное мыслилось, как противоположность, как «буржуазія» в широком смыслѣ.

Сюда входила и «либеральная демократія» конституціоналистов и «революціонная демократія» конкурирующих соціалистических партій. Только интеллигентскіе идеологи соціал - демократіи отчлсались к «пролетаріату». Как бы далеко влѣво ни пошло, таким образом, наше сближеніе с лѣвыми (народническими) теченіями, оно, все равно, не могло вывести нас, вмѣстѣ с нашими союзниками, за предѣлы «буржуазія» в сферу истинной «революціи». Сюда подходило и наше сближеніе с с.-р.—скими представителями «трудящихся масс» в Парижѣ. С точки зрѣнія с. д. оно обрекало наших лѣвых союзников на совмѣстныя с нами дѣйствія — по «линіи наименьшаго сопротивленія». Это, конечно, было и само по себѣ невѣрно, так как в Парижѣ не было заключено никакого *договора о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ*, а лишь был констатирован *параллелизмъ* дѣйствій к *общей цѣли*, при сохраненіи для отдѣльной группы ея самостоятельной линіи. Но соціал - демократія уже принимала мѣры, чтобы никакой подобный сговор и впредь не мог состояться. Чѣм яснѣе и понятнѣе все это становилось, тѣм болѣе блекли и мои надежды на соглашеніе между конституціоналистами и революціонерами.

Однако же, вся глубина пропасти, грозившей раздѣлить оба теченія самых революціонныхъ участников революціоннаго движенія 1905 года еще не успѣла обнаружиться на практикѣ. Доктрина и тактика с. д.—ской непримиримости была, правда, вся уже готова даже у болѣе умѣреннаго теченія; ее и сейчас можно возстановить по партійной литературѣ того времени (напр., статьи сотрудников «Искры» разныхъ отдѣлков за 1904 - 1905 годы, Мартова, Парвуса, Дана, Троцкаго и др. *).

В своемъ смыслѣ претенденты на монополію в революціонномъ движеніи успѣли уже истолковать и его исходную точку: Красное Воскресенье 9 января. Вся сложность этого явленія была при этомъ оставлена в сторонѣ и затушевана: роль в немъ «зубатовщины», полиціи, личности Гапона, надпартійной интеллигенціи; наконец, и самая форма демонстраціи, задуманной, какъ мирное шествіе народа (а не «пролетаріата» только) къ «милостивому царю - отцу»

---

*) Я намѣренно не упоминаю здѣсь отдѣльно о «большевикахъ». Насколько тогда (1906) границы «бланкизма» и «оппортюнизма» в партіи с. д. были неясны, видно, напр., изъ полемики Троцкаго съ Прокоповичемъ. О преніяхъ на «объединенномъ» с'ѣздѣ и о дальнѣйшемъ развитіи этихъ разногласій будетъ рѣчь впереди.

со слезницей, вродѣ московскихъ петицій времени царя Алексѣя Михайловича: надъ всѣмъ долженъ былъ царить «пролетаріатъ» и его партія. Для с. д. обѣихъ фракцій это былъ прецедентъ появленія пролетаріата на улицѣ, — методъ, которымъ и дальше должна была идти революція, только с прибавленіемъ вооруженія толпы и с устраненіемъ регулярнаго войска; колебанія касались лишь этихъ послѣднихъ пунктовъ.

Все же, от доктрины до ея осуществленія было еще не близко, — да и самая доктрина была еще в процессѣ оформленія «по Марксу». Какъ распредѣлятся в дѣйствительности силы революціи между оппозиціонными и революціонными теченіями разныхъ отбѣнокъ, предрѣшить было трудно, такъ же какъ и то, насколько далеко пойдутъ размѣры взаимныхъ уступокъ. За то и другое можно было еще идейно бороться. Принципіальная невозможность общаго фронта признавалась пока только с крайняго лѣваго фланга. Да и тамъ вѣра в непогрѣшимость доктрины не мѣшала нѣсколько побаиваться конкуренціи не только со стороны «революціонной», но и со стороны «либеральной демократіи» в борьбѣ за ея вліяніе на массы. (См., напр., тревожную статью в № 103 «Искры»).

Такимъ образомъ, май, іюнь и отчасти даже іюль еще давали возможность сохранять надежду на общій успѣхъ дружнаго сотрудничества конституціоналистовъ с революціонерами всѣхъ социалистическихъ партій. И мой харьковскій эпизодъ не поколебалъ во мнѣ этой надежды. Для ея осуществленія мнѣ представилось необходимымъ обратить главное вниманіе на то связующее звено между «либеральной» и «революціонной демократіей», какое в тѣ мѣсяцы представляли быстро возникавшіе и разраставшіеся в численности своего состава «профессіональные союзы», — начало которымъ было положено уже в первой половинѣ 1905 года. Мои отношенія къ «союзамъ» и составляютъ слѣдующее звено в моей общественно-политической дѣятельности за этотъ по-истинѣ рѣшающій годъ.

П. Милуков